

УДК 13(38)»652»

doi: 10.15421/171746

Репрезентация дихотомии духа и тела в культуре античной Греции

Т.В. Тесленко

c.spas.dp@i.ua

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна**49100, Днепр, ул. Академика Лазаряна, 2*

Трансформации концептов духа и тела как основных бинарных оппозиций западноевропейской философии и культуры находятся в центре внимания ученых-постмодернистов, философов, социологов, психологов, литературоведов, теоретиков гендера и т.д., представляющих, как правило, междисциплинарный модус научного исследования. Введение постструктуралистами принципа телесности повлекло за собой переосмысление многих понятий, с использованием которых различие между «внутренним» и «внешним» практически снималось. С другой стороны, поскольку в русле герменевтической интерпретации любой текст находится в непрерывно изменяющемся контексте исторической ситуации, проблема повествования как взаимоотношения между «историей», нарративом и жизнью, занимая одно из ключевых мест в теории постмодернизма, представляется концептуально важной в научном анализе философии и культуры любой эпохи, тем более, мира древней Греции, в недрах которой произошел «разрыв» духа и плоти, оказавший огромное влияние на всю последующую классическую философию.

Гомер, собрав в «Иллиаде» и «Одиссее» этические нормы и предписания поведения своего времени, видел своих героев воплощением телесного совершенства, в то же время его фундаментальная ментальность продолжает оказывать свое влияние и сегодня: в «Иллиаде» ключевые слова – состязание миф, аргумент, убеждение; в «Одиссее» – море, свобода, приключения, богатство, знание. Однако, в целом, гомеровский человек характеризуется как «симфония» различных голосов: человек у Гомера обладает не «телом», но множеством различных органов и частей тела.

Слияние взаимоотношения «внутреннего» и «внешнего» в мире человека античной Греции получает воплощение в трагедиях Софокла, Эсхила, Еврипида, которые создали не только художественные образы, оказавшие огромное влияние на всю последующую литературную традицию, но и были «философами на сцене», «оракулами» этических идей, – как публичных, так и личных. И здесь важно подчеркнуть: конфликт бинарных сил аполлонического и дионисейского начал, являющийся «первичным конфликтом» всей западной культуры, в творениях Эсхила и Софокла представляет собой трансформацию, ведущую к их слиянию, у Еврипида – отчетливая репрезентация рационализма, осознание дуальности рационального и иррационального, тела и духа.

Ключевые слова: античность; нарратив; постмодернизм; субъект; телесность; текст

The representation of the dichotomy of spirit and body in the culture of Ancient Greece

T.V. Teslenko

c.spas.dp@i.ua

*Dnepropetrovsk National University of Railway Transport Named after Academician V. Lazaryan
2, Acad. Lazaryana St., Dnepr, 49100, Ukraine*

The transformations of the concepts of spirit and body being the main dichotomy of the Western philosophers are in the focus of postmodern theorists – philosophers, literary antics sociologists, gender researchers, etc., thus they are usually representing the inter-disciplinary modus of postmodern scientific analyses. The introduction of the principle of corporeality by post-structuralists caused the rethinking of many classical concepts, which in its turn, led to the elimination of differences between «the Outer» «the Inner». On the other hand, as in hermeneutics any text is considered as being put in the continuously changing context of history and culture, the problem of narration is understood as the interrelation between «a history», «a narrative» and life in the broad meaning of this notion. The latter is considered as the conceptually significant in the analysis of the philosophy and the culture of any epoch, and in the particularly context, the culture of Ancient Greece is of paramount importance. Moreover, it gave birth to the disruption of soul and body of spirit and flesh and, thus, influenced greatly the subsequent development of the Western classical philosophy.

Homer, having collected the ethical norms and prescription for the behavior of the Greeks in «Illiad» and «Odyssey», depicted his heroes as an embodiment of the physical perfection. At the same time, Homer's fundamental mentality is still influential at the beginning of the third millennium: in «Illiad» the key words are contest, dispute, war, argument, persuasion; in «Odyssey» – freedom, adventure, wealth, knowledge. On the whole, the man of Homer is characterized as «a symphony of many voices». Homer's man does not possess «the body», he possesses different organs and parts. However, the discovery of the body

Цитування даної статті: Тесленко Т.В. Репрезентация дихотомии духа и тела в культуре античной Греции / Т.В. Тесленко // Науково-теоретичний альманах «Грані». – 2017. – Т. 20. – № 3(143). – С. 87-92.

Citation of this article: Teslenko, T.V., 2017. Reprerentaciya dihotomii duha i tela v kul'ture antichnoj Grecii [The representation of the dichotomy of spirit and body in the culture of Ancient Greece]. Scientific and theoretical almanac «Grani» 20; 3(143), 87-92. doi: 10.15421/171746 (in Russian).

Peer-reviewed; approved and placed: 11.02.2017

by Homer had great consequences: sexuality and sensuality are among the most valuable gifts of ancient Greece to the modern world. The complicated interrelations of «the Outer» and «the Inner» in the world of the Ancient Greece are represented in the tragedies of Aeschylus, Sophocle and Euripides. They created not only literary images that made bad enormous impact on the Western culture, they were «philosophers on the stage» teaching morality in both public and private spheres of life.

In Aeschylus's tragedies the most important problems of the opposition of the individual and the society are represented on the stage; Sophocle, who made the tragedy «go down from Heaven to the Earth» paid great attention to the man in his inner world transformations; Euripides, who described people as they were in their real lives, also connected his intentions with presentation of the inner world of human beings, both man and women. Especially interesting is the role of women in Euripides' tragedies: the most remarkable examples of self-sacrifice are given by Euripides' heroines. The Greek woman in Euripides' tragedies is a morally mature human being, she is self-conscious, and her attitude to the world is critical. Special attention should be paid to the consideration of the Appolonian and Dionysian forces which are declared to be «the primary conflict» of the Western culture. Being a philosophical and literary dichotomy in Sophocles' and Euripides' tragedies, they represent the transformations, which led to their confluence. The corporal sensuality of the Ancient Greece literature, promoting the transformations of sensuality into art, nowadays is still one of the key narratives of Western culture, both in its high and low versions.

Keywords: antiquity; narrative; postmodernism; subject; corporeality; text.

Репрезентація дихотомії духу і тіла в культурі античної Греції

Т.В. Тесленко

c.spas.dp@i.ua

*Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту
імені академіка В. Лазаряна,
49100, Дніпро, вул. Академіка Лазаряна, 6*

Трансформації концептів духу і тіла як основних бінарних опозицій західноєвропейської філософії та культури знаходяться в центрі уваги вчених-постмодерністів, філософів, соціологів, психологів, літературознавців, теоретиків гендеру і т.д., що представляють, як правило, міждисциплінарний модус наукового дослідження. Введення постструктуралістами принципу тілесності спричинило переосмислення багатьох понять, з використанням яких відмінність між «внутрішнім» і «зовнішнім» практично знімалося. З іншого боку, оскільки в руслі герменевтичної інтерпретації будь-який текст знаходиться в безперервно змінному контексті історичної ситуації, проблема оповіді як взаємовідносини між «історією», наративом і життям, займаючи одне з ключових місць в теорії постмодернізму, представляється концептуально важливою в науковому аналізі філософії та культури будь-якої епохи, тим більше, світу древньої Греції, в надрах якої стався «розрив» духу і плоті, що зробив величезний вплив на всю подальшу класичну філософію.

Гомер, зібравши в «Ілліаді» і «Одіссеї» етичні норми та приписи поведінки свого часу, бачив своїх героїв втіленням тілесної досконалості, в той же час його фундаментальна ментальність продовжує надавати свій вплив і сьогодні: в «Ілліаді» ключові слова – змагання міф, аргумент, переконання; в «Одіссеї» – море, свобода, пригоди, багатство, знання. Однак, в цілому, гомерівська людина характеризується як «симфонія» різних голосів: людина у Гомера володіє не «тілом», а безліччю різних органів і частин тіла.

Злиття взаємин «внутрішнього» і «зовнішнього» в світі людини античної Греції отримує втілення в трагедії Софокла, Есхіла, Евріпіда, які створили не тільки художні образи, що зробили величезний вплив на всю подальшу літературну традицію, але були «філософами на сцені», «оракулами» етичних ідей, – як публічних, так і особистих. І тут важливо підкреслити: конфлікт бінарних сил аполлонічного і діонісейського начал, що є «первинним конфліктом» всієї західної культури, в творіннях Есхіла і Софокла є трансформацією, що веде до їх злиття, в Евріпіда – виразна репрезентація раціоналізму, усвідомлення дуальності раціонального і ірраціонального, тіла і духу.

Ключові слова: античність; наратив; постмодернізм; суб'єкт; тілесність; текст

Постановка проблеми. Трансформации концептов духа и тела, вписанные в публичные структуры власти и сексуальности в «постсовременных условиях», и сегодня, в начале XXI века, находятся в фокусе внимания ученых-постмодернистов, представляющих такие разные направления и теории, как постструктурализм и герменевтика, психоанализ и деконструкция, семиотика и гендерные исследования. Введение постструктуралистами принципа телесности повлекло за собой, по единодушному мнению ученых, переосмысление многих понятий, связанных, в первую очередь, с концептами субъекта и субъективации [14].

В результате было переосмыслено и само представление о внутреннем мире человека: например, с введением понятия «телесность сознания» (М. Мер-

ло-Понти и др.) различие между «внутренним» и «внешним» практически снималось. С другой стороны, провозгласив «все» текстом, теоретики тем самым внедрили в постструктуралистско-постмодернистский дискурс утверждение о том, что само тело является текстом: «нет ничего существующего вне текста» [1, с. 21]. В подобном ряду постмодернистской концептосферы находится, на наш взгляд, и «социальное тело» Ж. Делеза, и «тело без органов» Ф. Джеймсона, и «эротическое тело» Р. Барта.

Переходя к проблеме герменевтики в качестве интерпретации текста, в нашем случае – письменного текста, необходимо подчеркнуть: письмо, являясь модальностью языка, репрезентирует непрерывное развитие в лингвистической по своему существу ком-

муникации [6, с. 353]. Таким образом мысль «скрывается/порождается» текстом, с одной стороны, а с другой – любой текст находится в условиях изменяющегося мира, в нашем случае – в необратимо и непрерывно изменяющемся контексте исторической ситуации, социальных условий, биографических деталей и т. д.

Анализ исследований и публикаций. Вопрос повествования, нарратива, который постоянно находится в центре внимания исследователей-постмодернистов, также важен в русле данной работы, поскольку «повествовательные жанры» включают в себя, по утверждению Р. Барта, и миф, и легенду, и новеллу, и эпопею, и витраж, и кинематограф, и бытовой разговор. Повествование, пишет Р. Барт, – «пренебрегает разницей между высокой и посредственной литературой, преодолевая национальные, исторические и культурные барьеры, оно присутствует в мире как сама жизнь» [2, с. 353].

Проблема повествования, которая постоянно находится в центре внимания ученых-постмодернистов, занимает приоритетное место в работах П. Рикера, Ф. Джеймсона, П. Брукса, Р. Барта и многих других литературоведов, исследователей, философов, психоаналитиков и т. д. Западные теоретики постмодерна рассматривают нарратив в контексте проблемы взаимоотношений между историей – нарративом – и жизнью, как выявление специфически нарративных способов осмысления мира, как особую форму существования человека, как присущий только человеку модус бытия [7]. Ж-Ф Лиотар, утверждая в своей знаменитой концепции меганарратив, что знание существует как нарративное (ненаучное), подчеркивает, что первое признается повествованием и легитимным слушанием без доказательств, поскольку они принадлежат одной и той же культуре. Второй вид знания, научная история, использует только констатирующие высказывания, легитимность которых должна быть научно доказана. Информационное, или постиндустриальное общество, по Лиотару, предъявило совершенно новые требования к знанию, в котором место великих нарративов («grand narratives») заняли «маленькие истории» («polite narratives») и «идеальные нарративы» [17]. Ученый пишет, что если все упростить до предела, то под «постмодернизмом» понимается недоверие к «мегарассказам». Несколько иную по сравнению с Лиотаром трактовку меганарративов дает Ф. Джеймсон, который утверждает, что «повествование» – не столько литературная форма или структура, сколько «эпистемологическая» категория. Подобно кантовским категориям времени и пространства, она может восприниматься не как черта нашего эмпирического восприятия, но как одна из абстрактных координат, внутри которых мы познаем мир. Иными словами, мир доступен и открывается человеку лишь в виде историй и рассказов о нем [15]. Согласно М. Фуко, человек является спекулятивным элементом господствующей в современных обществах власти-биоласти: гуманитарные науки также возникают в результате практик биоласти. В контексте постмодернистских концепций М. Фуко

исследователи, рассматривающие как научные тексты так и литературные произведения, ищут в них выражение таких антропологических категорий как «тело» и «телесность», более того, многие теоретики стремятся передавать свои философские изыскания в форме «телесности» (Ю. Кристева, М. Виттиг, П. Кlossовски и др.). В результате постмодернизм переосмысливает само представление о внутреннем мире человека, поскольку с введением понятия «телесное сознание» различие между внутренним и внешним оказывается снятым (М. Т. Крейн, Ж. Делез, Ф. Гвагарт и др.).

Цель исследования. Основная цель работы состоит в том, чтобы раскрыть и подвергнуть историко-философскому анализу содержание культурной репрезентации концепции духа и тела в литературе классиков античного мира Греции.

Изложение основного материала. Для анализа трансформации представлений о духовности и телесности необходимо обращение к философии и культуре античного мира – к учениям и трудам писателей и философов досократовской эпохи, в недрах которой произошел «разрыв» духа и плоти, оказавший огромное влияние на всю последующую классическую философию.

Следует отметить, что античность была эпохой, оставившей в европейской культуре первую, теоретически разработанную концепцию духа и тела. В произведениях своей литературы и искусства античность завещала нам образцы неувядаемой красоты и бесконечного удивления: «...все, что движется в нашем мире, имеет свое начало в Греции» [3, с. 5]. Ярчайшими представителями литературы досократовской эпохи являются, как известно, Гомер, Софокл, Эсхил и Еврипид.

Безусловно, «Иллиада» и «Одиссея» (VIII век до н. э.) представляют собой классику, определившую всю культуру древней Греции. Как замечают исследователи, эпосы Гомера представляли своего рода «складские помещения», хранящие ценности – этические нормы и предписания поведения, то есть были заполнены информацией, детально расписывающей, что значит быть не просто человеком, а быть «греком». Гомер присутствовал повсюду в античном мире, все были хорошо знакомы с его историями и по устным «повествованиям», и посредством «уличного» искусства [12]. Фундаментальная ментальность Гомера продолжает оказывать свое влияние и сегодня. В «Иллиаде», как указывают ученые, ключевые слова – состязание, спор, аргумент, убеждение – то есть то, что мы полагаем объективностью и, в конечном счете, наукой. В «Одиссее» мы видим, что море – это свобода, приключения, богатство и знания – факторы, важные для развития науки и сегодня. Гомер видел своих «героев» воплощением телесного совершенства, что и сейчас является распространенной идеей: два «идола» западной культуры – это «знаменитость» и «спортсмен-боец», достигающие своего статуса посредством физической красоты или физической силы и смелости [13]. Именно эти образы доминируют сегодня не только в западно-европей-

ской, но и в нашей культуре как идеалы, к которым нужно стремиться «постсовременному» человеку.

А. Ф. Лосев пишет, что примат телесности, естественности и физического совершенства весьма отчетливо обнаруживает себя в гомеровском эпосе: «Здесь этическое мало чем отличается от того, что естественно свойственно человеку и что почти никак не зависит от таких понятий, которые мы теперь считаем по преимуществу моральными, вроде совести, долга, обязанности, борьбы с чувственными излишествами» [8]. Для Гомера гораздо важнее красота тела, физическая сила, великолепие одежды, блестящее развитие интеллекта, счастье, успех, слава, чем мораль в собственном смысле этого слова, продолжает А. Ф. Лосев. Одиссей Гомера предстает умным, красноречивым, ловким, изворотливым, отважным, терпеливым героем. У Гомера постоянно говорится о красоте женщин, мужчин, «всяких предметов», тем не менее, замечает А. Ф. Лосев, в эстетике Гомера красота не играет самостоятельной роли: красота Елены не является причиной войны; Парис, хотя и прославляется за красоту, но его красота есть, скорее всего, сластолюбие. Для гомеровских героев гораздо большее значение имеют огромные размеры, огромный рост, сила, физическая мощь и т.д. Ахилл, Агамемнон, Гектор, Аякс и др. – «гиганты», может быть даже «чудовища». Эпитет «прекрасный» часто соединяется у Гомера с эпитетом «великий», и это не только относительно мужчин, но и о женщинах: такой является, например, Афина в «Одиссее». О красоте богов у Гомера говорится редко, замечает А.Ф. Лосев, зато они всегда рисуются великанами и гигантами [8].

Происхождение людей в эпосе Гомера почти не затрагивается, жизнь их коротка, полна скорби и зависит от произвола богов. При этом в своих поступках они руководствуются скорее страстями, чем разумом или нравственными соображениями. Тем не менее, в человеке Гомера различаются тело и три вида духа: «Психе» – начало жизни и источник движения тела, она покидает тело после его смерти и перемещается в Аид. «Тюмье» – это аффективно-волевая часть духа; третий вид – «Ноос» – ум. Согласно философским взглядам Гомера, богам и людям присущи все три вида духовности, животным – только два первых. В Аиде психе ведет призрачное существование: «...там только тени умерших людей, сознания лишённые» [5].

Размышляя о сложном мире античного человека, ученые замечают, что у обретенного духа и осознанной души имеется обратная сторона, скрытая за общепринятым представлением о человеке и моделью антропологического развития. Обретя дух и превратившись в объект саморефлексии, человек начал скрывать телесное, считая тело бессмысленным и отвергая его как источник познания. Бесспорно, обретение духа ведет к потере телесного [10]. Однако, если вернуться к эпохе до «обретения духа» и перехода от мифа к Логосу, то в целом гомеровский человек характеризуется как «симфония импульсов и голосов» различного происхождения. В отличие от современ-

ного человека он воспринимает свое тело не как единый организм, а как нечто неоднородное, наделенное различными характеристиками, то есть гомеровский человек обладает не телом (в современном понимании этого слова), но множеством различных органов и частей тела [10, с. 317].

У Гомера тело оживляется не за счет сердца, а за счет крови. Ядром гомеровских представлений о человеке становится идея телесного воплощения сил, вызывающих импульс активности и побуждающих к действию. В текстах гомеровских поэм отсутствует множество необходимых и важных для нас, современных людей, понятий, относящихся к изображению человека. У него, например, нет слов, обозначающих индивидуальность, личность и ее особенности [10, с. 58]. Как утверждается, эротика стала одним из самых ценных «даров», полученных человечеством от греков. Не осуждая сексуальные желания с позиции морали, древние греки превратили эотику в искусство. Понятие любви в античные времена было еще очень неопределенным, поэтому Гомер о ней умалчивает, рассказывая вместо этого о страстях, овладевающих его героями и терзающих их, когда они пытаются достичь своей эротической цели, например, борются за прекрасную Елену. Известно, что тело человека – мужчины и женщины – воплощается у древних греков также и в скульптурах Мирона, Фидия и Поликлета. «Открытие» ими тела привело, как отмечается, к далеко идущим последствиям: сам стиль культуры этого периода получил название скульптурного.

Сложные взаимоотношения «внутреннего» и «внешнего» в мире человека античной Греции получают воплощение в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида. С тех пор, как Эсхил написал трагедию «Прометей прикованный», внимание к ней не ослабевает. Бесспорно, суждения о том, что в великом произведении решались важнейшие проблемы отношения индивида и человечества, абсолютно верны. Также нет сомнений и в том, что гений Эсхила вырос в самую трудную историю Афин. Все это, безусловно, нашло отражение в его творчестве, и в том числе в «Прометее». Эсхил, «отец трагедии», которому античные ученые приписывают 90 драматических произведений (из них 72 пьесы, известные нам по заглавиям), в своем «Прометее прикованном» увековечил, по классическому определению, образ «борца за свободу и счастье человечества»; эта трагедия, как известно, была одним из любимых произведений К. Маркса. Влияние «Прометея прикованного» на всю последующую всемирную литературу трудно переоценить: только в XVIII и XIX вв. образ Прометея встречается у Вольтера, Гете, Шелли, Байрона и других великих литераторов. Софокл, заставивший трагедию «спуститься с небес на землю», основное внимание в своих произведениях уделил человеку и проявлениям его внутреннего мира. Например, в «Царе Эдипе» все внимание Софокла сосредоточено на чувствах, овладевавших Эдипом по мере того, как он узнает о совершенных им преступлениях.

«Мир пошатнулся!» – эти слова шекспировского

Гамлета пронизывают драматургию Еврипида, – утверждают ученые [11, с. 22]. Безусловно, и Эсхил, и Софокл видели в мире много вольных или невольных проявлений зла. Но за страданиями отдельных людей, за жертвами и испытаниями Эсхил отчетливо видел конечную цель мироздания – торжество справедливости. В трагедиях Софокла непосредственная причинная связь между поведением людей и высшей волей богов слабее, чем в мировоззрении Эсхила; тем не менее и у него нарушение существующих нравственных норм приводит к падению объективно виновного человека. У Еврипида все иначе. Известно определение, данное Софоклом своему собственному творчеству: он, Софокл, изображает людей такими, какими они должны быть, а Еврипид – такими, каковы они на самом деле [11, с. 32], то есть именно Еврипид сосредоточил свое основное внимание на внутреннем мире человека – как мужчины, так и женщины.

Еврипид, которого в древности называли «философом на сцене», одним из первых обратился к изображению любовного конфликта в трагедии и сделал любовную страсть движущим мотивом событий, интересно отметить, что женщины, в целом, занимают видное место в произведениях Еврипида («Гекуба», «Троянки», «Электра», «Финикиянки», «Ифигения в Авлиде», «Алкеста», «Медея», «Андромаха»). В данном контексте важно отметить, что в конце V в. до н.э. у Еврипида греческая женщина достигает большой нравственной зрелости, ее самосознание пробудилось, и она начинает критически относиться к окружающим явлениям. Самые замечательные примеры самопожертвования во имя родины дают именно героини Еврипида. Противоречие между идеалом и действительностью, мечты об уничтожении зла и неправды также отображены в его женских образах. В высшей степени показательны примеры самопожертвования героинь: Ареста добровольно умирает, и ее жертва имеет тем большее значение, что она понимает ценность жизни. С полным осознанием этого умирает Ифигения, Макария, Поликсена. Тем более значительно выглядят женские образы у Еврипида, если представить то пренебрежение к духовному миру женщин, которое характерно для античного мира и связано – в большей степени – с принципиальным для античной Греции предпочтением гомосексуальной любви.

Исследователи отмечают, что, начиная с текстов Платона, античные мыслители подчеркивают контрастность дефиниций, связанных с мужским и женским [4]. Мужское, по Платону, – это «духовная беременность», а женское – «телесное». Тем более интересным представляется в данном контексте «греческое Просвещение» (вторая пол. V в. н. э.) с его эмансипацией личности и развитием индивидуализма. Что касается «женского вопроса», то последнее нашло отражение в двух направлениях: в отказе от условий морали, в нарушении установленных правил приличий и нравственности и в стремлении женщин к высшему образованию [3, с. 80]. Женская эмансипация, отрешенная от обычной

нравственности, нашла свое крайнее выражение в гетеризме: гетеры, «жрицы свободной любви», играли, как отмечают исследователи, в тогдашнем обществе важную роль и были окружены поклонением, воплощая, в некоторой степени, – «синтез» телесного и духовного. Кроме перечисленных качеств, как правило, они были еще и хорошо образованы. В целом, стремление женщин к высшему образованию в Греции было чрезвычайно жизненным. Исследователи пишут, что, начиная с первых шагов греческой философской мысли в VI в. и до падения античной культуры, перед нами проходит ряд женщин, с увлечением занимавшихся наукой и философией [3, с. 82]. Творчество Еврипида приобрело наибольшую популярность и получило достойную оценку со временем; после смерти его считали самым популярным и знаменитым античным драматургом V в. до н. э. Ему принадлежит гипотеза о первоначальной неразделенной материальной массе, потом разделившейся на эфир (небо) и землю, после чего и появились растения, звери и люди. Он критически относится к мифологии, как к основе народной греческой религии, признает божественную сущность, управляющую миром, но видит ее преимущественно не в лице обычных для греческой мифологии представителей; и изображает богов всегда с самых критических сторон, он осуждает захватнические войны и агрессивно относится к спартамцам из-за их жестокости в обращении с пленными и т. д.

Бесспорно, античный мир Греции в своих культурных репрезентациях подарил миру изображения борющегося и страдающего человека, но в борьбе и страданиях утверждающего свою человеческую сущность. Теоретики не раз замечали, что греческий мир имел свою «древность», свое «средневековье» и свое «новое время». Однако всякий исторический факт индивидуален. Ф. Ницше писал в «Рождении трагедии» о том, что творения Эсхила и Софокла представляют вершину слияния аполлонического и дионисийского, в то время, как трагедии Еврипида проникнуты сократическим рационализмом [9]. И здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить то, что доказывает К. Палья: первичный конфликт всей западной культуры – это конфликт бинарных сил аполлонического и дионисийского начал [16], то есть начал духа и тела, рациональности и иррациональности.

Выводы. Получив отражение в философском дискурсе, мир культуры античной Греции позволяет анализировать зарождение многих бинарных оппозиций, социокультурных стереотипов и подходов к их трактовке. Если в русле бинаризма, присущего всей классической философии, главенствующее положение занимает дихотомия духа и тела, то в культурных нарративах и соответствующих дискурсах Древней Греции последнее приобретает форму конфликта аполлонического и дионисийского начал. В то же время необходимо заметить, что в литературе Древней Греции дуальность духа и тела не носили характер резкого противопоставления, присущий античной философии, что во многом является следствием введения чувственного опыта во внутренний мир героев

Гомера, Эсхила, Софокла и Еврипида. Телесная чувственность главных действующих лиц литературы античной Греции, способствовав превращению эротики в искусство, повлекла за собой рождение нар-

ратива телесного совершенства; последний в своих формах и модификациях и сегодня является одним из самых влиятельных нарративов в западной культуре как в ее высокой, так и низкой линии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Барт Р. SZ [Текст] / Р. Барт. М.: Академический Проект, 2009. – 373 с.
2. Барт Р. Нулевая степень письма. [Текст] / Р. Барт – М.: Академический Проект, 2008. – 431 с.
3. Бузескул В. П. Античность и Современность [Текст] / В. П. Бузескул – Л.: Наука и школа, 1924. – 143 с.
4. Власова Т. И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии [Текст] / Т. И. Власова – К.: Генеза, 2006. – 296 с.
5. Гомер. Одиссея [Текст] / Гомер – М.: Наука, 2000. – 488 с.
6. Деррида Ж. Поля философии [Текст] / Ж. Деррида – М.: Академический Проект, 2012. – 376 с.
7. Илин И. П. Нарратив [Текст] / И. П. Илин // Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. – М.: Интрада, 2004. – 560 с.
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики [Текст] / А. Ф. Лосев – М.: «АСТ», 2000 – Т. 1. – 624 с.
9. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки [Текст] / Ф. Ницше – М.: Азбука. 2014. – 224 с.
10. Хейстад У. М. История сердца в мировой культуре [Текст] / У. М. Хейстад – М.: «Тест», 2009. – 317 с.
11. Ярхо В. Драматургия Еврипида и конец античной героической трагедии [Текст] / В. Ярхо // Еврипид. Трагедии. М.: «Художественная литература», 1969. – 540 с.
12. Carrier R. Heroic Values in Classical Depiction of the Soul [Текст] / Heroic Carrier R. // <http://www.richardcarrier.info/HomerTsoVirgil.pdf?973461>.
13. Davidson J. A. The Homeric Question [Текст] / J. A. Davidson // A Companion to Homer. Eds. A. B. Wall and F. Stubbings. – New York: at Martin Press. – 234 p.
14. Jameson F. Postmodernism or The Cultural Logic of late Capitalism. [Текст] / F. Jameson – London, New York: Verso, 2009. – 438 p.
15. Jameson F. The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act. [Текст] / F. Jameson – London: Routledge, 1996. – 305 p.
16. Paglia C. Sexual Personae: Art and Decadence from Nefertiti to Emily Dickinson. [Текст] / C. Paglia – Yale University Press, 1990. – 732 p.
17. Postmodern Condition: a General Inquiry on knowledge // The Postmodern History reader: London and New York: Routledge, 1997. – 464 p.

REFERENCES:

1. Bart, R., 2009. SZ [SZ]. Moscow, 373 (in Russian).
2. Bart, R., 2008. Nulevaja stepen' pis'ma [Zero degree of writing]. Moscow, 431 (in Russian).
3. Buzeskul, V. P., 1924. Antichnost' i Sovremennost' [Antiquity and Modernity]. Leningrad, 143 (in Russian).
4. Vlasova, T. I., 2006. Formirovanie gendernykh stereotipov v zapadnoevropejskoj filosofii [Formation of gender stereotypes in Western European philosophy]. Kyiv, 296 (in Russian).
5. Gomer., 2000. Odisseja [Odyssey]. Moscow, 488 (in Russian).
6. Derrida, Zh., 2012. Polja filosofii [Fields of philosophy]. Moscow, 376 (in Russian).
7. Ilin, I. P., 2004. Narrativ [Narrative]. Moscow, 560 (in Russian).
8. Losev, A. F., 2000. Istoriya antichnoj jestetiki [The History of Ancient Esthetics]. 1. Moscow, 624 (in Russian).
9. Nicshe, F., 2014. Rozhdenie tragedii iz duha muzyki [The birth of tragedy from the spirit of music]. Moscow, 224 (in Russian).
10. Hejstad, U. M., 2009. Istoriya serdca v mirovoj kul'ture [Heart History in World Culture]. Moscow, 317 (in Russian).
11. Jarho, V., 1969. Dramaturgija Evripida i konec antichnoj geroicheskoj tragedii [The dramaturgy of Euripides and the end of the ancient heroic tragedy]. Moscow, 540 (in Russian).
12. Carrier, R. Heroic Values in Classical Depiction of the Soul // <http://www.richardcarrier.info/HomerTsoVirgil.pdf?973461> (in English).
13. Davidson, J. A. The Homeric Question // A Companion to Homer. Eds. A. B. Wall and F. Stubbings. New York: at Martin Press. 234 p. (in English).
14. Jameson, F., 2009. Postmodernism or The Cultural Logic of late Capitalism. London, New York: Verso, 438 p. (in English).
15. Jameson, F., 1996. The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act. – London: Routledge, 305 p. (in English).
16. Paglia, C., 1990. Sexual Personae: Art and Decadence from Nefertiti to Emily Dickinson. Yale University Press, 732 p. (in English).
17. Postmodern Condition: a General Inquiry on knowledge // The Postmodern History reader: London and New York: Routledge, 1997. 464 p. (in English).